

СТРУКТУРА НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ЦЕЛОСТНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена апофатическая природа неэкономических факторов, их атрибутивные характеристики и практическая включенность в хозяйственную жизнь. Структура неэкономических факторов раскрывается через такие понятия, как ожидание, доверие, архетипы, консенсус и т. д.

Ключевые слова: апофатическая природа; неэкономические факторы; атрибутивность; консенсус; архетип; экстракции; бессознательное; доверие.

STRUCTURE OF NON-ECONOMIC FACTORS OF ECONOMIC GROWTH AND COMPLEX DEVELOPMENT OF SOCIETY

S. A. SHAVEL^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The apophatic nature of non-economic factors, their attributive characteristics and practical involvement in economic life are considered. It is revealed through such factors as expectation, trust, archetypes, consensus, etc.

Key words: apophatic nature; non-economic factors; attributiveness; consensus; archetype; extractions; unconscious; trust.

Апофатическая природа неэкономических факторов

В первой нашей статье, посвященной неэкономическим факторам [1], рассматривались вопросы методологии их исследования и роли в системном развитии общества как единого целого на уровне отдельной страны. Подчеркивалась необходимость современной реактуализации данной проблематики как в области экономической теории, так и в других сферах общественной жизни. Обсуждались также предложенные российскими учеными – социологом М. К. Горшковым, экономистом П. Л. Ипатовым – схемы классификации неэкономических факторов. Сегодня целесообразно добавить несколько контекстуальных предпосылок положений, исходя, в частности, из известного

суждения В. С. Швырева, который писал: «Методологически центральную роль в формировании теории играет лежащий в ее основе идеализированный объект – теоретическая модель существенных связей реальности, представленных с помощью определенных гипотетических допущений и идеализаций. <...> Этот объект, таким образом, выступает не только как теоретическая модель реальности, он вместе с тем неявно содержит в себе определенную программу исследования, которая реализуется в построении теории. Соотношение элементов идеализированного объекта – как исходных, так и выводных – представляет собой теоретические законы, которые, в отличие от эмпирических зако-

Образец цитирования:

Шавель СА. Структура неэкономических факторов экономического роста и целостного развития общества. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018;4:15–28.

For citation:

Shavel SA. Structure of non-economic factors of economic growth and complex development of society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:15–28. Russian.

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Sergei A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; chief researcher.
d-v-nazarova@yandex.by

нов, формируются не непосредственно на основе полученных опытных данных, а путем определенных мыслительных действий с идеализированным объектом» [2, с. 677–678].

Из этого следует, что выводы, полученные при анализе идеализированного объекта, т. е. в рамках теории, должны соответствующим образом конкретизироваться при их применении к изучению реальной действительности. Приведенные положения, сформулированные В. С. Швыревым еще в 1980-х гг., сохраняют свое эвристическое значение и сегодня. Действительно, идеализированный объект представляет собой центральное теоретико-методологическое звено в процессе познания как модель существенных связей изучаемого явления. Он образуется в процессе идеализации, т. е. мысленного конструирования результатов научного воображения, с учетом реальных прообразов, существующих в действительности. Благодаря этому создано большое число общенаучных понятий, таких как *точка* (объект, лишенный метрики, т. е. не имеющий измерений), *прямая линия*, *окружность*, *абсолютно черное тело*, *идеальный газ* (в контексте его молекулярно-кинетической модели) и др. Аналогично образованы и многие социологические понятия: *социализация*, *ценность*, *мобильность*, *маргинальность*, *аномия*, *социальный порядок* и др.

Рассмотрим, какие возможности предоставляет предложенный методологический подход для концептуализации атрибутивных характеристик неэкономических факторов. Прежде всего отметим, что с этимологической точки зрения выражение «неэкономические факторы» можно считать определением через отрицание. Использование подобных определений предполагало понятие, которое вошло в философский словарь еще в Средние века, – *теология апофатическая* (от греч. *apofatikos* – отрицательный). Ее сторонники стремились выразить абсолютную трансцендентность Бога путем отрицания всех его атрибутов и обозначений, устраняя все относящиеся к нему представления и понятия (ибо Бог находится по ту сторону бытия). Позже это течение дополнилось катафатической теорией, делавшей ставку на синтез позитивных атрибутов, по аналогии с миром, который сотворил Бог, что являлось одним из принципов католической схоластики. Определения через отрицание (как и по аналогии) достаточно часто используются в научном обороте: например, широко известно понятие *агностицизм* (от греч. *a* – частица отрицания, *gnosis* – познание) – непознаваемость; в социологии применяется дюркгеймовский термин *аномия* (от греч. *nomos* – норма, закон, стандарт, правило, ценность) – ненормативность поведения, отклонение от принятых правил, стандартов и др. При этом необходимо учитывать, что такие определения не раскрывают сущность изучаемого явления (денотат), а лишь указывают на то, что по некоторым

признакам оно не входит в предметное поле исходного понятия (гlossы). Семантику термина с отрицательной частицей *не* или *вне* следует искать в соотносительном базовом понятии. Так, смысл термина *агностицизм* как учения о непознаваемости мира «вещей в себе» (ноуменов) можно понять в соответствии с понятием *гностицизм*, учитывая его этимологию, т. е. происхождение от слов *знание*, *знающий*, *познающий*. Также и сущность аномии мы поймем, познав смысл терминов *норма*, *стандарт*, *закон*.

Аналогично ни один из неэкономических факторов не может быть прямо включен в классическую триаду основных экономических факторов (*земля*, *труд*, *капитал*), а также в перечень вновь введенных экономических факторов, таких как *управление*, *технологии*, *институты*, *коммуникации*, *информация* и т. д. Это связано прежде всего с тем, что неэкономические факторы не являются непосредственными ресурсами, т. е. эндогенными (внутренними) факторами.

Общепринято положение о том, что экономическая теория изучает хозяйственную деятельность людей. О феноменологии хозяйства писал еще в 1912 г. известный русский философ, экономист и социолог Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944): «Хозяйство в своей феноменологии, т. е. в непосредственной эмпирической данности, существует для нас как добровольно или недобровольно принимаемая необходимость, которая налагается на нас извне. <...> Поэтому хозяйственная деятельность имеет характер борьбы за жизнь, и, в частности, именно за данный, определенный уровень жизни» [3, с. 268–269].

Академик Академии гуманитарных наук, доктор экономических наук, профессор Г. П. Журавлева отмечала: «Хозяйственная деятельность людей представляет собой очень сложный и запутанный комплекс разнообразных явлений и процессов, в котором экономическая теория выделяет *четыре стадии: собственно производство, распределение, обмен и потребление*» [4, с. 29]. Нетрудно заметить, что неэкономических факторов не может быть ни в одной из четырех стадий в прямом естественном значении, как и в классических ресурсах экономики. По своей природе они являются продуктами других сфер общества – политики, духовно-культурной жизни и социальной сферы, только благодаря взаимодействию которых эти факторы могут переноситься и грамотно использоваться в экономике по логике обмена *вход – выход*.

Этимологически термин *неэкономические факторы*, в отличие от собственно экономических ресурсов, можно понимать как экзогенные (внешние) факторы, независимые от их наименования и той роли, которую они играют в хозяйственной деятельности и экономическом росте. Этим, как правило, объясняют индуцирование неоклассиче-

ских методологических идей обоснования путей развития экономической науки, выдвинутых маржинализмом (от англ. *marginal* – предельный). Родоначальник данного направления, австрийский экономист Карл Менгер (1840–1921) утверждал, что «как минимум в теории мы должны объяснять все внешние экономические явления в терминах внутренней экономической ориентации индивидов. Иными словами, экономическая деятельность, такая как акты производства, сбережения и потребления, должна анализироваться как результат рационального выбора агентов относительно получения или отсрочки удовольствия. Согласно этой логике все другие мотивы или факторы, которые могут лежать в основе экономической деятельности или влиять на нее, нерелевантны для экономики» (цит. по [5, с. 52–53]), т. е. не соответствуют ее целям. Из этого следует, что никакие мотивы, кроме удовольствия (с точки зрения рационального выбора, пользы), или другие факторы, кроме эндогенных, в экономическом анализе учитываться не должны. Карл Менгер вошел в историю своей теорией предельной полезности, согласно которой, например, в анализе ценообразования акцент делается не на издержки (себестоимость), а на изменение эффективности потребления при добавлении единицы оцениваемого продукта, т. е. изменение предела. Маржинализм – это теория, характеризующая не сущность явлений, а их изменения при переходе так называемых пределов.

По словам Ш. Бегельсдайка и Р. Маселанда, «позиция Менгера постепенно сделалась главенствующей в экономической науке» [5, с. 58]. Стремление синтезировать маржинализм с классической политэкономией привело к созданию нового направления в экономической науке, названного неоклассикой. Оно возникло не столько в силу теоретико-методологических предпосылок, сколько как идеологическая реакция на теорию К. Маркса, превратившаяся вскоре в лобовую атаку на марксизм. Западные исследователи эту проблему обычно скромно обходят, как и критику экономического неоклассицизма со стороны исторической школы экономики (М. Жобе, Ф. Бродель), кейнсианства (Д. Кейнс, Дж. Робинсон), институционализма (Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт) и др.

Одним из первых скептически отзывался о теории К. Менгера Макс Вебер. Он с долей иронии писал: «Вопрос о том, например, до каких пределов следует разрабатывать современную “абстрактную теорию”, является по существу вопросом экономии в научной работе, направленной также на решение и других проблем. Ведь и “теория предельной полезности” подвластна “закону предельной полезности» [6, с. 389]. Нетрудно понять, что Вебер имеет в виду изменение объяснительных возможностей данной теории при добавлении новых смысловых единиц, т. е. концептуальных компонентов. По ло-

гике закона предельной полезности она является одним из вариантов объяснения среди многих, т. е. сама эта теория содержит основания для расслоения и плюрализации.

Современные представления о неэкономических факторах часто неявно сближаются со старой концепцией *духа хозяйства* и используют некоторые ее идеи. Так, С. Н. Булгаков, рассматривая хозяйство как творчество, явление духовной жизни, писал: «*Дух хозяйства* (например, “дух капитализма”, о котором теперь много пишут, и притом такие выдающиеся представители экономической науки, как Зомбарт и Макс Вебер) есть опять-таки не фикция, не образ, но историческая реальность. Всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа, каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип “экономического человека”, порожденный духом хозяйства, и объявляет его “рефлексом” данных экономических отношений... <...> Понимание хозяйства как явления духовной жизни открывает глаза на психологию хозяйственных эпох и значение смены хозяйственных мировоззрений. Им выдвигается также чрезвычайно важная проблема не только научного, но и практического характера – именно о значении личности в хозяйстве» [3, с. 237].

Одним из первых ученых, которые исследовали роль личности в хозяйстве, был М. Вебер. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1904) он рассматривал, как повлияли новые, отличные от католических канонов и ритуалов идеи религиозно-этического характера на становление современного капитализма. В числе таких идей особенно выделялись мирской аскетизм, призвание и служение профессиональному долгу, рационализация и ее осуществление и др. Предметом анализа М. Вебера стало выявление связи между этими новыми идеями и формами экономической деятельности. Характерно, однако, что сам ученый не ограничивается религиозно-этическими принципами протестантизма, он отмечал: «Наше исследование могло бы послужить скромным вкладом для пояснения того, в какой форме “идеи” вообще оказывают воздействие на ход исторического развития» [6, с. 105]. Как видим, Вебер полагал, что его анализ роли идей, привнесенных Реформацией, может быть полезен для науки тем, что позволит выяснить, когда, какие и в какой форме любые идеи, т. е. идеи вообще, могут становиться ценностными и структурными детерминантами развития общества, иными словами, когда идеи могут выполнять роль факторов перспективного изменения общества: способствовать экономическому росту, инновационно-креативному поиску, совершенствованию инфраструктуры и т. д.

О соотношении идей и вещей В. С. Стёпин пишет: «В деятельности человека, которая представ-

ляет собой преобразование объектов в соответствии с поставленной целью, ценностно-целевые структуры не являются вторичными по отношению к результатам преобразующей деятельности. Скорее, наоборот, цель как идея, как образ возможного результата предшествует результату (состоянию объекта, возникающему как продукт деятельности). Идея реактивного самолета, выраженная в чертежах и расчетах, первична по отношению к каждому конкретному самолету, построенному по этим расчетам и чертежам. И если бы вдруг из памяти современного человека исчезла эта идея, то можно гарантировать, что исчезли бы и все реактивные самолеты, они просто разрушились бы со временем. Но если допустить обратное, что вследствие некоторого катаклизма вдруг были бы уничтожены все самолеты, однако в культуре сохранились бы их идея и соответствующие разработки, то можно не сомневаться, что самолеты были бы построены. Выходит, что идеи, которые программируют деятельность, вовсе не вторичны, а первичны по отношению к создаваемым в деятельности вещам. Значит, совсем не глупые мысли развивали Платон и Гегель, когда говорили, что мир идей предшествует миру вещей, что вещи есть опредмеченные идеи. Это справедливо по отношению ко всей созданной человеком искусственной природной среде (неорганическому телу цивилизации), которая возникает только благодаря деятельности людей, как продукт этой деятельности» [7, с. 429].

Обращение М. Вебера к проблематике воздействия идей на ход исторического развития общества вызывалось не только пониманием (предвидением) научной значимости такого анализа, но во многом и стремлением дополнить историю экономической мысли, которая складывалась в самостоятельную науку с XVI по начало XX в. В различных ее направлениях, таких как меркантилизм (У. Стаффорд (1554–1612), утилитаризм (Й. Бентам, 1748–1832), физиократия (Ф. Кенэ, 1694–1774), классическая политэкономия (А. Смит, 1723–1780), марксизм (К. Маркс, 1818–1883), маржинализм (К. Менгер, 1840–1921), экономикс (А. Маршалл, 1842–1924), в качестве основных детерминант рассматривались материальные факторы (интересы). Многие вебероведы считают, что полемический пафос автора был направлен специально против марксизма – его учения об экономическом детерминизме.

Вообще, классики марксизма не употребляли термин *детерминизм* (в лапласовском смысле) применительно к историческому развитию общества. Они только утверждали определяющую роль производства. Абсолютизация этой идеи некоторыми их последователями позволяла интерпретировать марксизм как экономический детерминизм. Неслучайно позже Ф. Энгельс в письмах Й. Блоху пояснял: «Маркс и я отчасти сами виноваты, что

молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» [8, с. 397]. Как видно, это психологическое объяснение ситуации, но Ф. Энгельс затрагивает и содержательную сторону. Он отмечал: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали» [8, с. 394]. Очевидно, что «воспроизводство действительной жизни» никак не сводится к экономике. Прежде всего это демографический процесс, рождение детей. Воспроизводство жизни включает также воспитание, образование, социализацию, здравоохранение, гражданскую идентичность и др. В реальном процессе они выступают как относительно независимые переменные. Приведенные слова Ф. Энгельса могли бы если не снять, то смягчить критику и дать новое направление дальнейшей разработке теорий.

Что касается специальной борьбы Вебера против марксизма, то такую направленность пытались придать его творчеству те ангажированные интерпретаторы, которые поддерживали истерию маккартизма внутри США, раздували очаги холодной войны, – советологи, антимарксисты и т. п.

На самом деле М. Вебер не был ни материалистом, ни идеалистом. Если он обратился к изучению роли идей, то вовсе не потому, что отрицал или недооценивал значение материального фактора. Согласно его концепции адекватное объяснение развития общества невозможно без учета обоих факторов. Однако ему приходилось констатировать, что экономическая наука его времени – не без влияния учения Маркса – как раз игнорировала идейно-духовный фактор, названный им *духом капитализма*. Пытаясь раскрыть содержание данного понятия, Вебер отмечал, что «оно не может быть определено по принципу *genus proximum, differentia specifica* (через ближайший род и видовые отличия. – С. III.), оно должно быть постепенно скомпоновано из отдельных составных частей, взятых из исторической действительности» [6, с. 70]. Позже такое формообразование понятий Вебер назвал идеальным типом.

Исходя из этого, он выделял прежде всего те компоненты *духа капитализма*, которые обнаружил в работах Б. Франклина (1708–1790). Здесь немало таких суждений, которые стали афоризмами: «Время – деньги. Тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать десять шиллингов, но полдня гуляет или лентяйничает, выбросил пять шиллингов»; «Деньги по природе своей плодородны и способны прино-

сильные новые деньги»; «Аккуратность, пунктуальность и честность увеличивают твои возможности кредита»; «Остерегайся считать своей собственностью все, что не имеешь, и жить сообразно с этим» и др.

Вебер подчеркивал, что эти строки пропитаны именно *духом капитализма*: «Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная “этика”, отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. Речь идет не только о “практической мудрости” (это было бы не ново), но о выражении некоего *этоса*, а именно в таком аспекте данная философия нас и интересует» [6, с. 73–74]. Термин *этос* Вебер не расшифровывает, используя его в общеупотребительном (словарном) смысле – как отличительные особенности жизненного мира, мышления, бытового уклада, поведения тех или иных человеческих общностей (групп, слоев, когорт и т. д.). Вслед за Вебером этот термин категоризовала Мария Оссовская (1896–1974), известный польский философ и социолог. В работе, посвященной анализу *этосов* рыцарей и буржуа, она писала: «В публицистике *этос* часто смешивают со словом “этика”, но этика – это теоретическая дисциплина, которая ставит своей целью определить, что следует и чего не следует делать. А *этос* – это стиль жизни какой-то общественной группы, общая (как

полагают некоторые авторы) ориентация какой-то культуры, принятая в ней иерархия ценностей, которая либо выражена *explicite* (ясно. – С. III.), либо может быть выделена из поведения людей. <...> Мы занимаемся *этосом* какой-либо группы, когда констатируем, например, что ее членам присуща склонность решать конфликты мирным путем (такая склонность белорусов получила название *памяркоўнасць* – слово, неперебиваемое на другие языки. – С. III.) или, напротив, постоянно утверждать свое превосходство с оружием в руках. Мы интересуемся *этосом* данной группы, пытаемся выяснить, что предпочтительнее для ее членов: вести праздную жизнь или же больше работать и больше зарабатывать. Термин “*этос*” применяется к группам, а не к индивидам. <...> Это один из основных терминов социологии культуры» [9, с. 26]. Рассматривая перспективы техногенной цивилизации, В. С. Стёпин полагает, что «эта система ценностей должна трансформироваться. Очевидно, что придется изменить наше *отношение* к природе, выработать иное понимание целей человеческой деятельности, чем то, которое представлено фундаментальными мировоззренческими установками техногенной культуры. Не исключено, что человечеству предстоит духовная революция, сопоставимая с той, которая была в эпоху Возрождения и Реформации» [7, с. 735].

Иррациональные факторы бессознательного

Впервые термин *бессознательное* дефинировал Лейбниц в работе «Монадология» (1720), назвав его низшей формой душевной деятельности, лежащей «за» или «под» порогом ясного осознания. В последующем идея порога послужила эвристическим толчком для разработки ряда так называемых пороговых теорий. Из них наиболее известна пороговая теория Фехнера, изложенная автором в труде «Элементы психофизики» (1860), сохранившая свое значение (при некоторых уточнениях) и использующаяся до настоящего времени. Густав Фехнер определил порог как критическую точку, выше которой раздражение вызывает у человека ощущение, а ниже – не вызывает. Особое значение в последнее время приобрели для теории и практики подпороговые восприятия. Ими называют те воздействия на организм человека, которые субъективно не осознаются, протекают как бы под порогом сознания [10, с. 261]. К таким воздействиям относятся, например, ультра- и инфразвук, многие тактильные, запаховые, электрические и другие раздражители, лежащие ниже порога ощущений, и особенно радиация, не имеющая для человека каких-либо заметных сигнальных признаков, даже при высоких дозах облучения. Понятно, что если такие подпороговые воздействия не осознаются, но все-таки организмом воспринимаются, то их можно отнести к бессознательному.

Долгое время в мировой общественной мысли шли горячие дискуссии по вопросу о реальности бессознательного. Одни участники обсуждения отвергали самостоятельный онтологический статус данного феномена, вслед за Декартом и Лейбницем отводя ему место на периферии сознания, на том краю, где все психические акты темны и, как правило, недоступны осознанию. Логика их подхода очевидна. Если человек – *Homo sapiens*, существо разумное, способное к абстрактному мышлению, логическим умозаключениям и выводам, то иррациональные элементы в его психике, даже если они и существуют, не играют сколь-нибудь существенного значения в его жизнедеятельности и повседневном поведении. Эпоха Просвещения, а позже гегелевская философия с ее панлогизмом культивировали разум, а значит, и человека как абсолютно рационального субъекта действия, активности.

В свою очередь, сторонники актуальной реальности бессознательного исходили из идеи холизма (целостности) человека, согласно которой целое состоит из относительно самостоятельных, но не изолированных, а взаимодействующих друг с другом и с окружением частей, но функционирующих так, чтобы сохранять, поддерживать и развивать целостность. Соответственно, бессознательное, с их точки зрения, реально *ipso facto*, т. е. в силу самого факта его выделения и наименования. Сегодня тер-

мин *холизм* употребляется все реже, его вытесняет кибернетическое понятие системы и его производные, хотя их тождественность сомнительна. Холизм противостоит атомизму, который рассматривает целое как аддитивное множество: целое равно сумме своих частей. Относительно такого подхода в науке Абрахам Маслоу (1908–1970) однажды заявил: «В последнее время я все больше склоняюсь к мысли о том, что атомистический способ мышления следует рассматривать как мягкую форму психопатологии или, по крайней мере, как одну из составляющих синдрома когнитивной незрелости» [11, с. 13].

Однако самый радикальный подход к проблеме бессознательного разработал австрийский психолог и психиатр Зигмунд Фрейд (1856–1939) в теории, названной им психоанализом. В отличие от многих предшествующих учений – философии (особенно эпохи Просвещения), психологии, зародившейся в середине XIX в., развивающейся антропологии и других наук, которые ставили в центр психической жизни сознание, рассматривали человека как существо разумное и осознающее свое поведение, – в теории Фрейда ведущее место занимало бессознательное. Характеризуя ее, Л. Хьелл и Д. Зиглер обращали внимание на следующие положения Фрейда: «Люди находятся в состоянии непрерывного конфликта, истоки которого лежат в другой, более обширной сфере психической жизни – в неосознаваемых *сексуальных* и агрессивных побуждениях... Согласно Фрейду, не только наши поступки часто являются иррациональными, но также само значение и причины нашего поведения редко бывают доступными осознанию» [12, с. 105–106].

Далее Л. Хьелл и Д. Зиглер отмечали: «Примерами того, что может быть обнаружено в бессознательном, служат забытые травмы детства, скрытые враждебные чувства к родителю и подавленные сексуальные желания, которые вы не осознаете» [12, с. 111]. Здесь, на наш взгляд, есть алогизм: ведь у взрослого человека самые трудные переживания – это потеря родных и близких, но они почему-то не вытесняются в бессознательное, а существуют в «доступной памяти», т. е. в области подсознательного как своего рода мнемического архива, и регулярно извлекаются, например в дни поминания, на Радоницу и в других ситуациях. По Фрейду, неосознанные переживания, в отличие от подсознательных, полностью недоступны для осознания, но они могут выражаться в *замаскированной* или *символической* форме, «подобно тому как неосознаваемые инстинктивные побуждения косвенно находят удовлетворение в снах, фантазиях, игре и работе. Эту догадку Фрейд использовал в своей работе с больными» [12, с. 112]. Например, его медико-клиническим кредо был принцип *исцеление через осознание*, о котором положительно отзывался еще И. П. Павлов, считая это заслугой Фрейда. Павлов подчеркивал: «Когда очень за-

прятан ущемленный пункт, то его надо привести в связь с остальными полушариями, и тогда раз полушария функционируют правильно, то наводят порядок и там» [13, с. 296]. Рассмотрим некоторые формы бессознательного.

Рефлексы (от лат. *reflexus* – отражение, обращение) – ответные реакции организма на воздействия внешнего мира, в том числе идущие от общества, его структур и отдельных индивидов, и внутренней среды. Еще Рене Декарт (1596–1650) – французский философ, математик, физик и физиолог, родоначальник учения о рефлексах – относил к данным реакциям глотание, дыхание, ходьбу, мигание, икоту, зевоту и т. п. Традиционно рефлексы разделяют на безусловные и условные. *Безусловными* являются прирожденные акты реагирования на те или иные раздражители, которые совершаются, можно сказать, автоматически, например мигание глаза при попадании в него пыли или соринки. *Условными* называют рефлексы, вырабатываемые в процессе индивидуальной жизни на базе одного из безусловных рефлексов – пищевого, оборонительного и т. п. – путем одно- или многократного сочетания с ним некоторого биологически несущественного раздражителя (звонок как сигнал приема пищи в опытах И. П. Павлова). Безусловные рефлексы практически независимы от воли и сознания (скажем, актеру крайне сложно искусственно пустить слезу, покраснеть, вызвать зевоту или икоту). У людей и большинство «отработанных», усвоенных с детства или путем тренировок рефлексов также являются неосознаваемыми.

Ученый И. М. Сеченов, названный отцом русской физиологии, утверждал: «Все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы» (цит. по [14, с. 9]). В отличие от Фрейда Сеченов не разделяет, а соединяет сознание и бессознательное через рефлексы, исходя из того, что происхождение не только «бессознательной жизни», но и сознания было бы невозможно без ответных реакций организма на внешние и внутренние раздражители.

Эта же идея присутствует у М. Вебера, когда он подчеркивает: «Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена» [6, с. 603]. Чисто реактивное поведение, когда, например, человек укрывается от неожиданного дождя под деревом или кустом, есть акт рефлекторный, но ведь человек понимает, зачем он это делает, поэтому между ним и осмысленным действием не может быть демаркационной границы. Значительная часть социологически релевантных действий находится на границе того и другого.

Еще одной формой бессознательного являются **инстинкты**. Термин *инстинкт* (от лат. *instinctus* – побуждение) широко используется как в научной литературе, так и в повседневной жизни, напри-

мер когда говорят «инстинктивно обернулся», «отклонился», имея в виду, что движение или действие совершено спонтанно, без подготовки, не проходя через сознание. В науке общепринятой является точка зрения, согласно которой инстинкты входят в состав бессознательного; споры идут главным образом о том, какова психологическая модальность тех или иных инстинктов, как они соотносятся с сознанием (разумом), какое влияние оказывают на поведение и всю жизнедеятельность человека.

Маслоу решительно выступал против традиционной дихотомии *инстинкт – разум* как перманентной внутренней конфликтогенности, которая якобы и продуцирует антагонизм между человеком и обществом, личным и общественным интересом. По его мнению, они не антагонистичны, а *синергичны*: «Здоровый разум и здоровый импульс устремлены к одной и той же цели: у здорового человека они ни в коем случае не противоречат друг другу (но у больного они могут быть противоположны, оппозиционны друг другу)... Слабый инстинкт может обнаружиться, выразиться и получить удовлетворение только в том случае, если условия, предопределяемые культурой, благоприятствуют ему, плохие же условия подавляют, разрушают инстинкт» [11, с. 139].

Приведем слова Моцарта из его письма другу: «А теперь я подхожу к самому трудному вопросу в Вашем письме, ответ на который я совсем бы исключил, поскольку недостаточно владею пером. Но я хочу все-таки попробовать, пусть это заставит Вас немного посмеяться. Каков мой способ писать и отрабатывать крупные и еще сырые произведения?»

Я действительно не могу сказать об этом больше, чем скажу далее, потому что я сам не знаю ничего больше и не могу узнать.

Если я себя хорошо чувствую и нахожусь в хорошем настроении, как бывает нередко во время поездки, или когда гуляешь в хорошем настроении, или ночью, когда не хочется спать, то мысли приходят ко мне часто наплывом. Откуда и как, этого я не знаю и не могу ничего сделать, чтобы узнать. Те из них, которые мне нравятся, я удерживаю в памяти и тихонько напеваю их про себя, как мне, по крайней мере, говорят другие. Если я их удерживаю прочно, то мне скоро приходит в голову, как можно использовать такой-то отрывок, чтобы приготовить из него какое-то блюдо в соответствии с контрапунктом, со звучанием различных инструментов и т. д.

Этот процесс меня глубоко волнует, если только мне при этом не мешают. Переживание все растет, я его развиваю и делаю более ясным, так что оно складывается у меня в голове почти в готовом виде, даже если приобретает большие размеры. Я могу его потом мысленно сразу обозреть, как прекрасную картину или красивого человека, и не последовательно, по частям, как это будет в дальнейшем, когда его воспроизводишь мысленно, а как единое целое, сразу. Вот это настоящий пир! Все это находишь и ТВОРИШЬ как в чудесном сновидении. Восприятие всего музыкального произведения как целого – это самое прекрасное. То, что создано таким образом, я нелегко забываю, и это, возможно, лучший дар, который я получил от Господа. Когда я потом перехожу к письму, то я извлекаю из кладовой моего мозга то, что было ранее, как я описал, в нее вложено. Поэтому все довольно быстро изливается на бумагу. Произведение, повторяю, уже, собственно говоря, готово и редко отличается от того, каким оно сложилось в голове. Поэтому мне могут, когда я пишу, мешать, ходить вокруг меня – я все равно буду писать. Но каким образом мои произведения приобретают именно моцартовские образ и характер, а не выполняются в манере кого-нибудь другого? Да так же точно, как мой нос стал большим и ВЫГНУТЫМ, приобретая моцартовскую форму, а не такую, как у ДРУГИХ людей. Потому что я не связываю это с какими-то особенностями, я и свои-то не смог бы подробно описать. Хотя, с другой стороны, вполне естественно, что люди, которые имеют определенный облик, различаются между собой как внешне, так и внутренне. По крайней мере, я знаю, что я также мало придал себе первое, как и второе.

На этом Вы меня освободите, дорогой друг, навсегда и навечно и верьте мне, что я обрываю ни по какой иной причине, кроме той, что я больше ничего не знаю. Вы, ученый, не представляете себе, до чего мне все это трудно» (цит. по [15, с. 201–202]).

Как отмечал Ф. В. Бассин, «в этом отрывке очень ярко отражена неосознаваемость значительной, по-видимому, части той работы, которую мозг совершает, создавая новые музыкальные образы. Возможно, что мы имеем при этом дело с процессом, который отличается в определенных отношениях от неосознаваемой *логической* переработки информации (Г. В. Воронин), но в любом случае здесь отчетливо выступает тот фундаментальный факт, что *осознаваемые* мыслительные процессы оказываются неизменно сдвинутыми к завершающим фазам мыслительной деятельности» [15, с. 202].

Архетипы как неэкономические факторы

Термин *архетип* (от греч. *arche* – начало, *typos* – образ), т. е. прообраз, прототип, первоначальная форма, исходная идея, был введен древнегречески-

ми философами для обозначения начала сущности (*вода – начало всего* у Фалеса), исходных принципов познания (*познай самого себя*, по Сократу) и др.

Позже его стали использовать в биологии для выделения маточных форм или мутовок (по Шардену), в лингвистике – при анализе таксонов, например однокоренных слов или языковых групп и т. п. В методологии науки к таким исходным прообразам часто относят аподиктические императивы (целостность (холизм), верифицируемость и др.), а также парадигмы как образцы мышления, аксиомы, постулаты и др.; в религии – кредо как символ веры и каноны. В социологии к архетипическому по своему построению и смыслу можно отнести центральный кластер понятий, образованных от лат. *socialis* – общий, общностный, таких как *социальное равенство*, *социальная мобильность*, *социальная сфера* и др. (всего более 200 понятий).

Но особую интерпретацию термину *архетип* придал К. Юнг (1875–1961), включив его в свою аналитическую психологию. В отличие от Фрейда Юнг помимо индивидуального бессознательного выделил в структуре личности и коллективное бессознательное, что стало, как отметили Л. Хьелл и Д. Зиглер, основной причиной расхождений между ними. Фрейд с его полустихийной ориентацией на методологический атолизм не мог ни понять, ни поверить, что нечто психологическое может находиться вне отдельного человека – индивида. Юнг же утверждал, что в бессознательной жизни своих пациентов, а также в собственной жизни путем самоанализа (интроспекции) он обнаружил изначальные образы. Эти образы являлись общими у разных людей и совпадали с повторяющимися мотивами. Это и было коллективное бессознательное, представляющее, по Юнгу, хранилище латентных следов памяти не одного индивида, а всех членов коллектива: мысли и чувства, общие для всех, в силу их общего эмоционального прошлого. Юнг писал: «В коллективном бессознательном содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума» [12, с. 200]. Состоит оно из архетипов, т. е. первичных моделей как структурирующих образцов психической деятельности, связанных с инстинктами, а значит, врожденных и побуждающих людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом: «Основные черты таких образов – нуминозность, бессознательность и автономность... Юнг ввел термин “архетип” во избежание любых предположений, будто основным является само содержание психических явлений, а не их бессознательная и непредставимая схема или образец» [16, с. 42]. Заметим, что понятие *нуминозность*, по словам авторов «Словаря аналитической психологии К. Юнга», «не поддается удовлетворительному объяснению» [16, с. 150], но поскольку Юнг связывает его с религиозным опытом, а религия (любая), как известно, имеет три опоры – чудо, тайну и авторитет [17, с. 7], – то это понятие

можно, на наш взгляд, переводить как таинственность и чудотворность. Важно также не упускать из виду связь архетипов с инстинктами, что специально отметил К. Юнг.

С социологической точки зрения повышенное внимание к теории архетипов – не только в науке, но и в искусстве, литературе, обыденном сознании широкой публики, образовании и воспитании – можно объяснить ее тесной связью с давней проблемой соотношения врожденного и приобретенного, или, в нашей терминологии, биологического и социального. Так, сторонники теории научения считают, что все добродетели человек приобретает через образование и воспитание, а пороки возникают из-за недостатка усилий или просчетов родителей, учителей, общества в целом. Их противники (социобиологи и др.) справедливо отмечают, что далеко не все качества и способности можно сформировать у любого человека, поскольку и некоторые люди, и те занятия, которые они хотели бы выбрать, часто не поддаются тренировке. Этот спор, как иронично заметил А. Маслоу, «чем дальше, тем больше начинает напоминать спор между партией остроконечников и тупоконечников. Я уверен, что мы, зная об этой дихотомии, сумеем избежать ее» [11, с. 135]. Но для этого необходимо как можно лучше и полнее знать обе стороны дихотомии, особенно содержание того, что входит в состав *врожденного, или биологического*.

Архетипы побуждают к ретроспективному анализу, возврату в историю самых далеких пращуров – архантропов и палеоантропов. Если верно, что коллективное бессознательное fasciniрует (по Канту – пробуждает, усиливает) воображение, то можно попытаться представить, например, чем был первый огонь для далеких предков, какое влияние он оказал на их мозг и психику и почему нас так гипнотизирует ночной костер в лесу. Как нам понять и оценить, какие следы в их мнемонике (искусстве запоминания) и интеллекте оставили преодоление таких явлений, как антропофагия (каннибализм), промискуитет, берсеркизм (приступ агрессии), или введение экзогамии как «главной социальной инновации верхнего палеолита» [18, с. 179], линейного родства, тотема и табу, запрета на инцест, регуляция брака, появление рода и семьи и т. д.? Такие события не могли не запечатлеваться (импринтинг), не сохраняться и не транслироваться как некоторые образы-символы. Не будь этого, трудно представить единство и целостность глобального социального общества (человечества), сохраняющегося столь длительное время, несмотря на множество природных катаклизмов, гибель многих государств, войны и революции, кризисы и депрессии и иные перипетии.

В состав бессознательного входят и такие компоненты, как стереотипы и установки, которые

требуют отдельного рассмотрения. На наш взгляд, приведенный материал показывает, что помимо инстинктивных актов у человека есть и ряд неосознаваемых психологических реакций, которые

находят свое выражение в символической форме, а значит, требуют раскрытия своего кода для теоретических исследований и практического применения в экономике и общественной жизни.

Атрибутивные характеристики неэкономических факторов

В обосновании проекта «Новое экономическое мышление», представленного как совместная разработка факультета свободных искусств и наук СПбГУ и Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара, подчеркивается: «Актуальная парадигма современной экономической науки остро нуждается в пересмотре. <...> В особенности это справедливо для тех областей, где экономическая логика встроена в социальный, политический и культурный контекст. Дело даже не столько в усовершенствовании уже имеющегося методологического аппарата, сколько во включении в предметную область экономической науки тех сюжетов, которые *традиционно недооценивались (а то и вовсе игнорировались) профессиональными экономистами...*» (выделено нами. – С. Ш.) [5, с. 5]. Как видим, здесь не употребляется категория «неэкономические факторы». Авторы презентируемой работы имеют в виду практическое применение культурных детерминант в экономической сфере, называя их экзогенными (внешними) условиями. Но вполне очевидно, что подразумеваются именно неэкономические факторы. Во-первых, недооценивалась и игнорировалась не только культура (со времени утверждения маржинализма в качестве ведущего направления в экономической теории), но и все те сферы, которые по генезису и содержанию находились вне экономики, например экологические, этические, архетипические, социальные, амитологические (термин П. Сорокина, обозначающий любовь, дружбу и т. д.), коллективистские факторы и др. Неслучайно обоснование проекта завершается словами: «Хочется верить, что привлечение внимания к этим текстам послужит импульсом к превращению экономической науки в подлинно гуманитарную дисциплину, трактующую хозяйственную жизнь человека в неразрывной связи с миром социальных институтов и культурных ценностей» [5, с. 5].

Атрибутивными характеристиками любого фактора являются те неотъемлемые его свойства (признаки, параметры), которые существенны для него в протекании процесса и выступают его детерминантами.

Консенсус как неэкономический фактор, конституирующий образ устойчивого социума

Как известно, О. Конт был первым, кто обычному житейскому термину *консенсус* (от лат. *consensum* – соглашаться, согласовывать) придал категориаль-

Так, поскольку факторы производства, по экономической теории, оказывают решающее воздействие на возможность и результативность данного процесса, то атрибутами его факторов являются эффективность, прибыльность, рентабельность, сбережение энергии, материалов, труда, транзакционных затрат и др.

Неэкономические факторы зарождались и имели возможность автономного функционирования в социуме вне экономики. Но по известной схеме системного взаимодействия (*вход – выход*) они при необходимости включаются в хозяйственную деятельность и ассимилируются в ней, получая полезные для себя продукты. Для обозначения неэкономических факторов М. Вебер ввел понятие *дух капитализма*. Анализируя историю происхождения современного капитализма, он отмечал: «*Auvi sacra fames* (“к злату проклятая страсть”) стара как мир и известна всей истории человечества. Мы увидим, однако, что *отнюдь* не те люди, которые полностью отдавались этой склонности, что не они были представителями того образа мыслей, из которого возник специфически современный “дух” капитализма как *массовое явление*» [6, с. 79]. Этот дух зародился и окреп благодаря новым религиозно-этическим идеям, выдвинутым протестантизмом (Лютер, Кальвин и др.), и сформировал соответствующий этос. Тем самым была поставлена проблема чрезвычайной важности (не только научная, но и практическая) о значении личности в хозяйстве, а вместе с тем и о роли неэкономических факторов в экономическом росте и богатстве общества, а также тех идей, на которых эти факторы базируются.

Заметим, что в России после церковного раскола в 1656 г. возник нелегальный этос старообрядцев, раскольников. Характеризуя его, Виктор Криворотов писал: «Раскольники – эти своеобразные русские протестанты – выработали, подобно их западным братьям, демократические структуры самоуправления, религиозные идеологические установки, в рамках которых основной ценностью был труд» [19, с. 142]. К сожалению, этот этос всемерно преследовался царской властью и официальной церковью, а в советское время оценить его плюсы помешал атеизм.

ный статус и сделал его центральным понятием своей социологии. Консенсус, по Конту, – это механизм поддержания целостности любых организмов

(в том числе и общества как социального организма) путем передачи энергетических, информационных и других импульсов от одной части другим и координации их усилий, соучастия в обеспечении сохранности и развития целого. Таков объективный смысл данной категории. Ее субъективный смысл возникает на рефлексивном уровне: консенсус – понимание необходимости и готовности к поиску согласия в преодолении конфронтации, конфликтности в малой группе, трудовом коллективе, обществе в целом.

Такое согласие, если оно есть, проявляется феноменологически в следующих формах:

- толерантность – терпимость к иным взглядам, верованиям, традициям, вкусам, обычаям и т. д.;
- лояльность – соблюдение общих правил и норм совместной деятельности, стремление не вредить, не ухудшать положение других ради собственной выгоды;
- солидарность – доверие, эмпатия, поддержка, взаимовыручка;
- гармония – полная согласованность взаимных ожиданий (двух индивидов, личности и коллектива, личности и социального института, общества в целом) на основе принципа дополнительности, единства ценностей и экспрессивных символов.

Нетрудно заметить, что все эти идеи Конта через некоторое время подтолкнули научные разработки в области теории систем, тектологии (А. Богданов), социальной синергетики, а также в других учениях и со временем были ассимилированы ими. Возможно, поэтому объективный смысл понятия *консенсус* к настоящему времени потерян, точнее заменен другими терминами, такими как, например, *гомеостазис*, *синергетический эффект* и др. Что касается субъективного понимания категории консенсуса, то оно все еще недооценивается. Позитивизм относит его к метафизике по причинам затрудненности операционализации и измерения, скажем, той же гармонии; некоторые психологи усматривают в этом проявления конформизма, группового давления и т. д. Известный немецкий социолог К. Оффе в интервью В. Л. Иноземцеву отметил: «В качестве примера консенсуса можно привести положение из Целей тысячелетия ООН (так назывался один из фундаментальных документов ООН. – С. III.), согласно которому каждая развитая страна должна выделять 0,7 % своего ВВП на нужды развития третьего мира. Это некое общечеловеческое единение, распространяющееся по миру. У нас нет однозначного понимания, на чем основано это чувство долга, но оно существует» [20, с. 11].

С научной социологической точки зрения консенсус является центральной категорией социального взаимодействия. По определению М. Вебера, «социальным действием следует называть такое, которое по своему смыслу, подразумеваемому дей-

ствующим лицом (или действующими лицами), отнесено к поведению других и этим ориентировано в своем протекании» [6, с. 13]. Следовательно, социальным называется действие, которое ориентировано на *Другого*. Вместе с тем для каждого из двух субъектов, вступающих во взаимодействие, их партнер является *Другим*.

Подводя итоги рассмотрения возможностей консенсуса как образа устойчивого социума можно сделать ряд выводов.

1. Термин *консенсус*, имевший широкое распространение в 1980-х гг., к настоящему времени практически вышел из употребления. Его смысл остался «нераспредмеченным». Политики, как правило, фиксируют результат метода консенсуса, т. е. согласие, а не процедурную сторону, направленную на согласование. Причина заключается в том, что механическое употребление термина привело к его отрыву от того, что и составляет суть данного понятия, – от консенсуального голосования как способа достижения согласия.

2. Главное достоинство консенсуального голосования состоит в том, что оно допускает альтернативность, поощряя тем самым внесение любых конструктивных предложений. Это создает уверенность в том, что мнение меньшинства или даже одного лица не будет отвергнуто, а получит оценку с помощью предпочтения. Тем самым активность рядовых участников голосования существенно повышается.

3. Эффективность решений, принятых методом консенсуса, заведомо выше тех, которые принимаются традиционным голосованием или единолично. Это следует из того, что такие решения лучше согласованы и в их исполнении заинтересованы не отдельные лица или группы, а большинство сообщества.

4. Консенсуальное голосование в наибольшей степени отражает психологию индивидуального выбора и природу общественного мнения. Относительно индивидуального выбора установлено, что в повседневных житейских ситуациях большинство людей не склонны действовать по принципу *все или ничего*, а тщательно взвешивают имеющиеся варианты и классифицируют их по степени предпочтительности, с тем чтобы перейти ко второму варианту, если первый по каким-то причинам неосуществим. Так, например, проходит выбор профессии, учреждения образования, товаров и т. д. Нет оснований полагать, что при голосовании психология выбора меняется.

5. В отношении общественного мнения важно учитывать, что оно представляет собой определенное состояние массового сознания. В ходе опросов социологи изучают (замеряют) общественное мнение как усредненное оценочное суждение всего населения или отдельных его категорий. И как бы

ни расходились индивидуальные оценки (мнения) при достаточном числе альтернатив, всегда найдется вариант, приемлемый для всех или для подавляющего большинства. Так, при несомненном различии позиций сторонников демократических рыночных реформ и социалистической ориентации их мнения во время республиканского опроса в феврале – марте 1994 г. совпали по таким предложениям, как введение президентской формы правления, подписание акта согласия на период выхода из кризиса, прямые выборы руководителей местной власти, конфискация теневого капитала и «приватизированной» собственности, поддержка

фермерского движения в Беларуси, приватизация жилья. Этот блок согласованных вариантов решений общественно-политических проблем (а он мог бы быть расширен при увеличении перечня альтернатив) и составляет центр общественного мнения. Далее интересы расходятся, но важен сам факт определения направлений, против которых никто не выступает. Понятно, что их реализация не только будет опираться на общественное мнение, но и постепенно расширит зону согласия, сблизит многие позиции или, по крайней мере, снимет конфронтационную доминанту – нежелание слушать и понимать друг друга.

Социальные ожидания перспектив экономического роста и развития социума

Ожидания в научном смысле слова – это предполагаемая ответная реакция партнера. Иначе говоря, индивид считает, что если он совершает определенное действие, то он вправе ждать соответствующего и адекватного ответа от своего партнера по взаимодействию.

Сочетание утилитарно-потребительских и личностных ожиданий образует категорию экспектаций. *Экспектации* (от англ. *expectancy* – ожидание, *expectation* – ожидания) представляют собой относительно устойчивый ситуативный комплекс индивидуальных ожиданий утилитарно-потребительского плана, обусловленный статусно-ролевыми возможностями, личностными диспозициями и культурой, нормативно-ценностными характеристиками общества. В исследовании удельный вес экспектаций в общем массиве ожиданий может быть определен по таблицам сопряженности как число респондентов, которые выразили одновременно ориентацию на себя и вещи (услуги).

Социальными называются ожидания относительно других людей. По своему содержанию социальные ожидания являются антиципацией (предвосхищение, прогнозирование) вероятных реакций другого участника (других участников) взаимодействия в ответ на действия субъекта. Через формулу ролевых ожиданий общество «указывает», какое действие считается социально приемлемым и инструментально эффективным.

Социальные ожидания можно классифицировать по разным основаниям. Так, по уровню настоятельности выделяются две группы: а) императивные – предписывающие, обязательные; б) рекомендательные – содержащие советы, предложения,

пожелания, выполнение которых остается на усмотрении участников.

По направленности целесообразно выделить следующие типы ожиданий: а) ценностные – ожидания справедливости, толерантности, истины и т. д.; б) инновационные – ожидания, направленные на новое качество, изменение, обновление; в) амелиористские – ориентированные на улучшение существующего (процессов, отношений, технологий); г) кумулятивно-преемственные – ожидания, связанные с накоплением достижений, преимуществ и их передачей следующим поколениям.

Социология вынуждена ассимилировать и придать научно-категориальный статус большому числу слов из повседневного обихода, таких как *семья, институт, богатство, бедность, занятость, перемещение, роль, положение* (общественное), *ожидания, настроения* и др. Важно учитывать, что широкое использование в науке «житейских терминов» вовсе не говорит о ее «слабости» или «отставании», как иногда утверждается. Их применение обусловлено спецификой объекта исследования и связанной с ней необходимостью сохранять коммуникативные связи с существующим (эмпирическим) массовым сознанием, а значит, и практикой повседневной жизни. С другой стороны, терминологическая неопределенность может отрицательно сказаться на принятии важных решений на государственном уровне. Так, некоторые случаи необоснованного раскулачивания в 1930-х гг. были связаны с тем, что понятие *зажиточность* не было введено в состав научных категорий социологии и экономической науки.

Доверие – фундамент согласованности социальных ожиданий

Первым законом социальных процессов Токкотт Парсонс назвал «поддержание взаимных ролевых ожиданий, которые однажды уже установились» [21, с. 307]. Этот закон выражает тенденцию

процесса взаимодействия к самосохранению независимо от возможных изменений внешних условий, ресурсных факторов и личностных диспозиций акторов или даже вопреки им. Действи-

тельно, если разрушаются взаимные ожидания, то аннигилируется (исчезает, растворяется) и система отношений. Вероятность отрицательных последствий подобного исхода весьма велика. Конечно, бывают случаи, когда, например, разрыв делового контракта стимулирует поиск новых вариантов, и они оказываются более эффективными, или расторжение брака создает условия для заключения двух новых прочных союзов и т. д. Такие примеры заслуживают внимания уже потому, что они дали основания для разработки в конфликтологии нового направления, называемого теорией управляемого конфликта. Но во-первых, статистическая представленность позитивных последствий крайне мала. Скажем, по субъективным оценкам разводов и объективным данным о послеразводных браках, негативные последствия многократно превышают позитивные результаты. Во-вторых, существуют не только прямые финансовые и прочие потери от любой конфликтной реструктуризации, но и латентные издержки психологического и морального плана, которые трудно учесть. В-третьих, нарушается логика процессов на более высоком уровне, снижается управляемость, контроль и т. д. И чем выше статусы участвующих сторон, тем выше такая опасность: личностный конфликт директора с главным бухгалтером может парализовать работу коллектива.

С точки зрения стабильности и устойчивого развития общество заинтересовано прежде всего в том, чтобы уже существующие ролевые ожидания на всех уровнях и во всех сферах поддерживались и воспроизводились. На напрашивающийся вопрос о том, не приведет ли это к их «окаменению», можно ответить так: чтобы улучшать, совершенствовать ролевые ожидания, они должны быть в наличии, существовать реально, а не в воображении (в семье – ожидания супругов и их родителей, детей, родственников; партнерские отношения в бизнесе, осуществляемые на основе «игры по правилам»; грамотное делегирование полномочий в системе *руководитель – подчиненный*; определенность ожиданий между покупателем и продавцом, учителем и учениками, учреждениями и гражданами и т. д.). Там, где такие ожидания отсутствуют или приобрели превращенную форму, их необходимо вначале воссоздать.

Внутренним ресурсом поддержания ролевых ожиданий и сохранения взаимодействия является их согласование. Парсонс ввел понятие комплементарности ожиданий. Имелось в виду, что ролевые ожидания каждого из акторов дополняются соответствующими санкциями. Данное положение можно проинтерпретировать на основе следующего примера. Ожидания покупателя по отношению к продавцу состоят в быстром и качественном обслуживании. Это и есть стандарт поведения, известный обеим сторонам. При нарушении

стандарта покупатель может прибегнуть к негативным санкциям – подать жалобу, отказаться от услуги и др. В свою очередь, и продавец вправе рассчитывать на вежливость, отсутствие у покупателя kleptomании или намерений испортить выбираемый товар и др. Продавец тоже может использовать санкции вплоть до обращения в соответствующую службу. Очевидно, что в приведенном Парсонсом значении дополнительность не эквивалентна согласованности, более того, акцентирование негативных санкций способно спровоцировать конфликт. Покупатель может выдвигать притязания, а продавец изобретать благовидные способы отказа от обслуживания, завышения цен или продажи некачественного товара.

Согласованность ожиданий возможна на основе презумпции доверия, включающей установку на уважение и готовность к эмпатии. Доверие – как чувство и установка – чаще всего ситуационно и конкретно относительно своего объекта, т. е. понимания, кому и чему доверять. Еще Гегель – известный защитник государственности – обратил внимание на особое место доверия в политическом сознании: «Человеку оказывают доверие, когда уверены в его готовности заниматься с чистой совестью *моим делом как своим*, прилагая к этому все свое знание» (курсив наш. – С. III.) [22, с. 348]. Имея в виду депутатов, Гегель подчеркивал, что крайне важно, чтобы тот, кому оказано доверие, «обладал характером, пониманием и волей, соответствующими его задаче быть привлеченным к рассмотрению всеобщих дел» [22, с. 348].

Рассматривая патриотизм как политическое умонастроение, Гегель утверждал: «Это *умонастроение* есть вообще *доверие* – сознание, что мой субстанциальный (т. е. общий. – С. III.) и особенный интерес сохранен и содержится в интересе и цели другого (здесь – государства) как находящегося в отношении ко мне как единичному, вследствие чего этот другой непосредственно не есть для меня другой, и я в этом сознании свободен (т. е. определен добровольно, без принуждения. – С. III.)» [22, с. 292]. Следовательно, по Гегелю, патриотизм есть доверие к государству, поскольку оно олицетворяет как всеобщие (защита границ, обеспечение безопасности, поддержание порядка и др.), так и особенные интересы индивида (получить хорошую работу, дать образование детям, обустроить жилье, купить автомобиль, провести интересно отпуск и т. д.). На основе доверия формируется готовность к чрезвычайному, если это необходимо, напряжению, жертвам и поступкам. Раз человек доверяет государству как самому себе, то снимается оппозиция *Я – Другой* и заменяется системной целостностью: *Я – член государства и это мое государство*. Эти мысли Гегеля актуальны сами по себе, но их можно рассматривать и как методологические предпосылки для обоснования феномена согласованности ожиданий.

Заметим, что в диаде как исходной модели социального взаимодействия о согласованности ожиданий можно говорить не тогда, когда оба партнера под угрозой возможных негативных санкций стараются не выходить далеко за пределы установленных нормативных стандартов поведения, которые в их ролевых ожиданиях представлены как обязанности по отношению друг к другу и к той деятельности (жизнедеятельности), в которую они включены. Если нет доверия (уважения, эмпатии), то каждый будет подозревать другого в «перетягивании одеяла» на себя и включать в свое сознание и действия соответствующую поправку.

По определению Френсиса Фукуямы, «доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами. Кое-какие из этих норм относятся к сфере “фундаментальных ценностей” (например, к пониманию Бога или справедливости), однако в их число входят и такие вполне светские вещи, как профессиональные стандарты и корпоративные кодексы поведения» [23, с. 52]. Безусловно, доверие тесно связано с ожиданиями. Важно, однако, акцентировать, что это особая форма отношений, основанная на уверенности в том, что *мое* ожидание *Другой* – будь то индивидуальный партнер, коллектив, социальный институт, властная инстанция – не проигнорирует, а выполнит с полной ответственностью, как и я, соответственно, в отношении к его ожиданиям. Эта надежность (го-

тов *пойти в разведку*) и делает доверие ключевой характеристикой «здорового общества», по Фромму. Успех самореализации такого общества зависит не столько от рыночных принципов и соблюдения традиции, сколько от уровня его социального капитала. По определению Ф. Фукуямы, «социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат доверия между его членами. Он может быть воплощен и в мельчайшем базовом социальном коллективе – семье, и в самом большом коллективе из возможных – нации, и во всех коллективах, существующих в промежутке между ними» [23, с. 52]. Особенность его состоит в том, что он создается и передается с помощью таких механизмов, как религия, идеология, культурные традиции и ритуалы повседневной жизни.

В заключение отметим, что мы выделили лишь некоторые из многочисленных неэкономических факторов. Все они способны входить в зависимость от человеческой активности в хозяйственную жизнь и оказывать на нее заметное влияние через такие неэкономические факторы, как консенсус, доверие, согласованность ожиданий, иррациональные факторы бессознательного, архетипы и др. Безусловно, разработку данной проблемы необходимо продолжать в рамках эмпирико-социологических исследований с выделением таких тем, как личностные качества (смекалка, предприимчивость, готовность к риску и др.), феномен призвания, аттитюды (установки), паттерны и многие другие факторы.

Библиографические ссылки

1. Шавель СА. Методологические основания исследования роли неэкономических факторов в системном развитии общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:4–10.
2. Швырев ВС. Теория. В: Ильичев ЛФ, редактор. *Философский энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1983.
3. Булгаков СН. *Философия хозяйства*. Москва: Институт русской цивилизации; 2008.
4. Журавлева ГП. Общая характеристика хозяйственной деятельности и экономической среды жизнедеятельности человека. В: Журавлева ГП, редактор. *Экономическая теория (политэкономика)*. Москва: Инфра-М; 1999.
5. Бегельсдайт Ш, Маселанд Р. *Культура в экономической науке*. Москва: Издательство Института Гайдара; 2016.
6. Вебер М. *Избранные произведения*. Москва: Прогресс; 1999.
7. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУП; 2018.
8. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 37*. Москва: Издательство политической литературы; 1965.
9. Оссовская М. *Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали*. Душенко КВ, переводчик; Гусейнов АА, редактор. Москва: Прогресс; 1987.
10. Подпороговое восприятие. В: Давыдов ВВ, Запорожец АВ, Ломов ВФ, редакторы. *Психологический словарь*. Москва: Педагогика; 1983.
11. Маслоу А. *Мотивация и личность*. Санкт-Петербург: Евразия; 2001.
12. Хьелл Л, Зиглер Д. *Теории личности*. Минск: БНП – Институт правоведения; 2001.
13. Быков КМ, редактор. *Павловские клинические среды. Том 2. 1934. Стенограммы заседаний в нервной и психиатрической клиниках*. Москва, Ленинград: АН СССР; 1955.
14. Шостак ВИ. *Природа наших ощущений*. Москва: Просвещение; 1983.
15. Бассин ФВ. *Проблема «бессознательного» (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности)*. Москва: Медицина; 1968.
16. Сэмьюэлз Э, Шортер Б, Плот Ф. *Словарь аналитической психологии К. Г. Юнга*. Санкт-Петербург: Азбука – классика; 2009.
17. Лапшин ИИ. *Философия изобретения и изобретение в философии*. Москва: Республика; 1999.
18. Шкуратов ВА. *Историческая психология*. Москва: Смысл; 1997.

19. Криворотов В. Русский путь. *Знамя*. 1990;8:140–164.
20. Оффе К. Права человека обходятся недешево. *Свободная мысль*. 2009;4:5–16.
21. Парсонс Т. *О социальных системах*. Москва: Академический проект; 2002.
22. Гегель ГВФ. *Философия права*. Москва: Мысль; 1990.
23. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Москва: АСТ; 2004.

References

1. Shavel SA. Methodological basis for the study of the role of non-economic factors in the systemic development of society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:4–10. Russian.
2. Shvyryov VS. Theory. In: Ilyichyov LF, editor. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1983. Russian.
3. Bulgakov SN. *Filosofiya khozyaistva* [The philosophy of the economy]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii; 2008. Russian.
4. Zhuravleva GP. [General description of the economic activity and economic environment of human life]. In: Zhuravleva GP, editor. *Economic theory (political economy)* [Ekonomicheskaya teoriya (politekonomiya)]. Moscow: Infra-M; 1999. Russian.
5. Begelsdayk Sh, Maseland R. *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2016. Russian.
6. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress; 1999. Russian.
7. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Man. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Publishing House of University of the Humanities and Social Sciences; 2018. Russian.
8. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 37* [Compilation of works. Volume 37]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1965. Russian.
9. Ossowska M. *Rytsar' i burzhua. Issledovaniya po istorii morali* [Knight and the bourgeoisie. Studies on the history of morality]. Dushenko KV, translator; Guseynov AA, editor. Moscow: Progress; 1987. Russian.
10. [Subception perception]. In: Davydov VV, Zaporozhets AV, Lomov VF, editors. *Psikhologicheskii slovar'* [Psychological dictionary]. Moscow: Pedagogika; 1983. Russian.
11. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Evraziya; 2001. Russian.
12. Kjell L, Zigler D. *Teorii lichnosti* [Theories of personality]. Minsk: BNP – Institut pravovedeniya; 2001. Russian.
13. Bykov KM, editor. *Pavlovskie klinicheskie sredy. Tom 2. 1934. Stenogrammy zasedanii v nervnoi i psikhiatricheskoi klinikakh* [Pavlovsk clinical wednesdays. Volume 2. 1934. Transcripts of meetings in the nervous and psychiatric clinics]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of SSSR; 1955. Russian.
14. Shostak VI. *Priroda nashikh oshchushchenii* [The nature of our sensations]. Moscow: Prosveshchenie; 1983. Russian.
15. Bassin FV. *Problema «bessoznatel'nogo» (o neosoznavaemykh formakh vysshei nervnoi deyatel'nosti)* [The Problem of the «Unconscious» (about unconscious forms of higher nervous activity)]. Moscow: Meditsina; 1968. Russian.
16. Samuels E, Shorter B, Plot F. *Slovar' analiticheskoi psikhologii K. G. Yunga* [A critical dictionary of jungian analysis]. Saint Petersburg: Azbuka – klassika; 2009. Russian.
17. Lapshin II. *Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii* [Philosophy of invention and invention in philosophy]. Moscow: Respublika; 1999. Russian.
18. Shkuratov VA. *Istoricheskaya psikhologiya* [Historical psychology]. Moscow: Smysl; 1997. Russian.
19. Krivorotov V. [The Russian way]. *Znamya*. 1990;8:140–164. Russian.
20. Offe K. [Human rights are expensive]. *Svobodnaya mysl'*. 2009;4:5–16. Russian.
21. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [On social systems]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2002. Russian.
22. Hegel GVF. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Mysl'; 1990. Russian.
23. Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Moscow: AST; 2004. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.11.2018.
Received by editorial board 12.11.2018.